

Русакова О.Ф.

ДИСКУРС ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН, президент МАДИ
E-mail: rusakova_mail@mail.ru; dipi@nm.ru

В последнее двадцатилетие в политической идеологии современных государств и политических дискуссиях об историческом прошлом активно используется понятие «историческая политика». Впервые данный термин был введен в публичный оборот немецким философом Юргеном Хабермасом во время дискуссии немецких историков, развернувшейся в 1986–1987 гг., и посвященной вопросу о возможных способах трактовки германского национал-социалистического прошлого. В дискуссии принимал участие канцлер ФРГ Гельмут Коль, имеющий ученую степень историка. Коль решил использовать историческую проблематику для закрепления своего политического успеха, заговорив о «морально-политическом повороте Германии». Суть поворота – утверждение более позитивного исторического образа Германии путем переинтерпретации нацистского прошлого. Для этой цели следовало скорректировать подход к теме ответственности немцев за преступления Третьего рейха. Ранее данная тема активно разрабатывалась политическими оппонентами Коля от социал-демократической партии.

По Хабермасу, историческая политика – это возможность влияния исторических интерпретаций на политику и наоборот. Оппонентом Хабермаса в дискуссии о нацистском прошлом

был историк Эрнст Нольте, который предлагал следующую трактовку войны Германии против СССР в 1941–1945 гг.: данная война есть превентивная защитная мера против угрозы развязывания Советским Союзом войны в Германии, а создание немецких концентрационных лагерей – это реакция на сталинский ГУЛАГ.

Во Франции для обозначения тесной взаимосвязи политики и интерпретаций прошлого используется другой термин – «политика памяти». Главным теоретиком концепта политики памяти является Пьер Нора – автор семитомного исследования и бестселлера «Места памяти» (1984–1992).

В 1990-е гг. во Франции получили также широкое распространение понятия «управление прошлым» и «долг памяти», которые сначала использовались применительно к депортации и геноциду евреев из Франции и других стран Европы во время нацистской оккупации, а затем – по отношению к войне Франции в Алжире в 1954–1962 гг.

В Польше и других странах Восточной Европы наряду с терминами «политическая история» и «политика памяти» утвердился термин «новая историческая политика», автором которого стал Роберт Траба¹. Он же – автор известной книги «История – пространство диалога» (Варшава, 2008). По словам Траба, главным лозунгом новой исторической политики стал отказ от «критического патриотизма» и возвращение к неоконсервативной национальной идеологии под девизом «патриотизм завтрашнего дня». Суть такого патриотизма – создание новой общности, которая опирается в первую очередь на ценности этнического патриотизма.

В новых государствах стран Балтии историческая политика выполняет функцию переосмысления советского прошлого с позиции ответственности СССР и России как его преемницы за преступления тоталитарного режима. Широкое распространение получает

так называемая «оккупационная риторика» и выявление советских преступлений против человечества.

В Украине проблематика «исторической политики», в особенности проблема дискурса Голодомора получила свою глубокую теоретическую проработку в работах Георгия Касьянова².

Г. Касьянов выделяет несколько «родовых признаков» официального дискурса о Голодоморе, который получил распространение в Украине при президенте В. Ющенко. К ним относятся: этническая эксклюзивность, конфронтационность, элементы ксенофобии, доминирование идеологических форм над научной аргументацией, акцент на страдальческой, мученической миссии собственной нации, сакрализация национальных страданий, доминирование моралистской риторики, возложение главной ответственности за причиненное зло на внешние факторы (московский коммунизм). При этом патриотизм трактуется как очищение от вины, представленной собственным этническим сообществом.

В современной России концепты и практика исторической памяти рассматриваются целым рядом авторов, среди которых следует в первую очередь назвать Алексея Миллера (доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН) и Геннадия Бордюгова – руководителя серии изданий на тему «Историческая политика в СССР, РФ и СНГ, автора книги «Войны памяти» на постсоветском пространстве (М., 2011).

Понятие «войны памяти» стало дополнением к уже известным понятиям «холодных» и информационных войн. «Войны памяти» ведутся как внутри страны между представителями различных социальных групп и политических элит, так и между разными странами по поводу неоднозначных исторических событий и фактов международного масштаба. Провокаторами «войн памяти» выступают длительные замалчивания трагических событий и сокрытия документов. Возникновение на политической карте мира новых государственно-территориальных образований с новой политической элитой также провоцирует вспышки «войн памяти». Сегодня

в странах СНГ и Балтии взрывную реакцию вызывает все, что связано с памятью о Великой отечественной войне. Яркие тому примеры – памятные истории с «Бронзовым солдатом» в Таллине, сносом монумента советским воинам в Ташкенте, уничтожение памятника «Мемориал Славы» в Кутаиси. Институциональными инструментами «войн памяти» выступают музеи и мемориалы: открытие музеев советской оккупации в Латвии, Литве, Эстонии, Грузии. В качестве примера «симметричного ответа» можно назвать открытие Музея оккупации Крыма Украиной в Симферополе. Прозвучали также требования создать «музей фашистской оккупации».

Историческая политика трактуется российскими исследователями как система форм и способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа.

Корни активизации исторической политики на постсоветском пространстве следует искать в кризисе идентичности, которых возник в результате распада СССР и социалистической систем, а также в дефиците духовных ценностей, которые уступили приоритетное место ценностям рыночной экономики и потребительского общества.

В процессе обобщения работ, посвященных изучению феномена исторической политики, мы сочли возможным выделить следующих базовых стратегий исторической политики:

- легитимация современного политического режима посредством исторических аргументов и новых подходов к пониманию прошлого;
- консолидация общества на основе символов славного исторического прошлого, общей исторической судьбы;
- конструирование новых исторических символов и мифов в целях укрепления национальной идентичности (новые праздники, новые символы и предметы национальной гордости, создание нового пантеона национальных героев);
- деконструкция старых мифов об историческом прошлом под лозунгом восстановления исторической справедливости;

- контроль за системой исторического образования нации (музейная и мемориальная политика, программы историко-политического образования);

- противодействие фальсификациям истории и выработка активной позиции в «войнах памяти».

В целом, дискурс исторической политики, содержащий отмеченные стратегии, представляет собой важный ресурс национальной безопасности.

Дискурс исторической политики в настоящее время в различных странах и сообществах представлен следующими основными моделями: 1) поляризованная инверсионная модель с одной доминантной версией по схеме «враг (оккупант) – жертва»; 2) диалогическая консенсусная модель (создание совместных учебников истории при согласовании версий); 3) плюралистическая полифоническая модель (уважительное отношение ко всем альтернативным версиям); 4) «зеркальная» дуальная модель по схеме «они о нас» и «мы о них».

В каждой стране существует собственная история и традиционная проблематика исторической политики XX век, своя история сопротивления по отношению к данной политике. Так во Франции миф о сопротивлении постоянно претерпевает историческую деконструкцию. В 1970-е гг. в исторической публицистике и кинематографе (фильм Марселя Офюльса «Печаль и жалость», запрещенный к показу на государственных каналах президентом Помпиду) доказывалось, что не было однородной Франции, объединяемой Сопротивлением, что средний француз, если и не сотрудничал с немцами во время оккупации, то умел с ними договариваться. В 1980 г. в Париже был создан Институт современной истории, который стал организовывать публичные историко-политические дискуссии с участием профессиональных историков. Дискуссии имели большое значение для исторического просвещения нации. И для культуры памяти в стране. Под влиянием дискуссий были проведены процессы против активных проводников политики национал-социализма в оккупирован-

ной Франции (процессы над Клаусом Барбье, Полем Тувье, Морисом Папоном, генеральным секретарем префектуры Бордо, министром бюджета в правительстве Жискара д'Эстена).

В 1998 г. Папон был приговорен к десяти годам тюрьмы с поражением в гражданских правах. Данный процесс получил широкий резонанс, докатившийся до школ. В 2006 г. Верховный суд обязал телеканал «История» показать наиболее существенные эпизоды процесса над Папоном (до этого прошла серия передач о процессах против Барбье и Тувье).

Во Франции в последние годы была распространена практика правового оформления исторической политики посредством так называемых «законов памяти». Так 13 июля 1990 г. был принят «закон Гайса» (по имени депутата-коммуниста) против расизма, антисемитизма и ксенофобии, предусматривающий наказание за отрицание преступлений против человечества, в частности, речь шла о геноциде в отношении евреев в годы Второй мировой войны. В мае 2001 г. издан «закон Тобира» (по имени депутата от социалистов), вводящий наказание за преступления против человечества, связанные с рабством и работорговлей. В октябре 2006 г. парламент Франции постановил, что отрицание геноцида евреев и армян в 1915 г. влечет юридическую ответственность.

В общегосударственном масштабе политика памяти продолжала проводиться и при Н. Саркози, который призвал к преодолению тенденции к систематическому раскаянию. Саркози вызвался восстановить заслуги Сопротивления. В мае 2007 г. он подписал декрет о том, чтобы ежегодно 22 октября во всех школах зачитывалось письмо 17-летнего участника Сопротивления Ги Моке, расстрелянного немецкими солдатами в 1941 году. Данный факт следовало интерпретировать как пример мужества и самоотверженного патриотизма. Кроме того, в целях уравнивания исторической справедливости Саркози обязал каждого французского школьника взять шефство над семьями детей-евреев, депортированных в годы немецкой оккупации.

«Законы памяти» вызвали противодействие французской общественности, практика которых отмечалась как недостойная демократического государства. В знак сопротивления в 2005 году было создано общественное объединение «За свободу истории», которое приняло специальное обращение, где говорилось: История не является объектом юриспруденции. В свободном государстве ни парламент, ни судебные власти не должны определять историческую правду. Политика государства не должна быть исторической политикой. Дебаты развернулись и вокруг политики памяти президента Саркози. В 2008 г. объединение «За свободу истории» распространило новый документ под названием «Воззвание из Блуа», опубликованное Пьером Нора. В воззвании отмечалось: «История не должна становиться служанкой политической конъюнктуры... В свободном государстве ни одна политическая сила не вправе присвоить себе право устанавливать историческую истину и ограничивать свободу исследования под угрозой наказания»³.

В современной Польше институциональным центром исторической политики стал Институт национальной памяти (ИНП), созданный в 1999 г., в котором в настоящее время работает 1200 человек со статусом государственных служащих. При институте действует комиссия по расследованию преступлений против польского народа. Официальная цель работы ИНП – возмещение ущерба жертвам системы и людям, боровшимся с ней во имя свободы и государственной независимости. Теоретически первоначально за основу деятельности Института была взята плюралистическая модель дискурса. В этой связи девять из 10 членов коллегии ИНП назначались сеймом из числа кандидатов, выдвигаемых от разных парламентских фракций. Однако позднее в историко-политической практике Института стал преобладать поляризованный инверсионный дискурс, который, оказавшись под влиянием партии «Право и справедливость» братьев Качиньских, монополизировал право на историческую правду, взяв под свой безраздельный контроль государственные архивы.

ИНП в итоге превратился в трибунал и «министерство памяти».

Аналогичный Институт национальной памяти существует в Украине. Его сотрудники также имеют преимущественный доступ к архивам Службы безопасности Украины (СБУ). Заместитель директора украинского ИНП Володымир Вятрович прославился тем, что опубликовал книгу, в которой рассказывал как УПА спасала евреев во время Второй мировой войны.

Типичными полемическими вопросами исторической политики выступают дискуссии о национальных праздниках. В Германии не так давно обсуждались различные даты, в итоге остановились на двух: 3 октября – дата присоединения бывшей ГДР к ФРГ и 9 ноября – дата падения Берлинской стены. Приоритет был отдан 3 октября, поскольку данная дата могла нести в себе позитивный посыл: «немцы вновь стали единым народом». Другая дата не трактовалась столь положительно, поскольку с нею были связаны и негативные моменты в истории Германии («хрустальная ночь» – еврейские погромы 1938 года, день провозглашения первой республики левыми партиями в годы революции 1918 года).

В России, как известно, дата главного советского государственного праздника 7 ноября под влиянием новой исторической политики подверглась реинтерпретации, превратившись в празднование московского парада 1941 года, с которого началось первое наступление Красной Армии против гитлеровских войск. Для размывания исторической памяти о революционно-социалистическом смысле даты 7 ноября был также учрежден новый праздник, близкий по хронологии – 4 ноября, который в народе так и не смог получить однозначную интерпретацию.

Литература:

1. См.: Траба, Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. Том 13.. № 3–4 (46). С. 43–64.
2. См.: Касьянов Г. Голодомор и строительство нации // Pro et Contra. 2009. Том 13.. № 3–4 (46). С. 24–42.
3. Шерпер Ютта. Германия и Франция: проработка прошлого // Pro et Contra. 2009. Том 13. № 3–4 (46). С. 107.